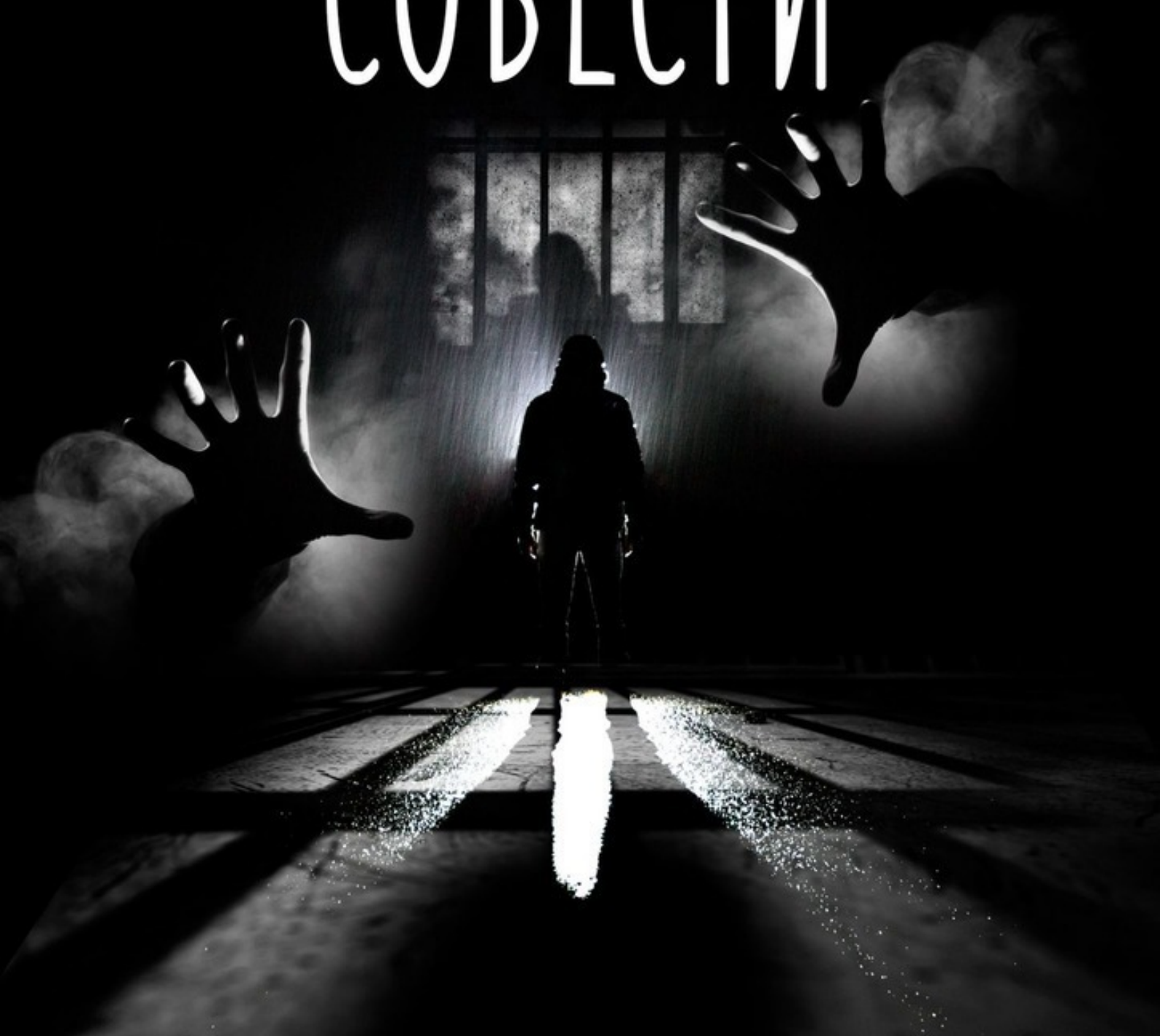

Сант Грейт

В ПЛЕНУ СОВЕСТИ

Сант Грейт

В плену совести

«Издательские решения»

Грейт С.

В плену совести / С. Грейт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518443-6

Это рассказ о мальчишках, которые, как и любой подросток, считают, что родители всегда являются препятствием на пути. Молодая кровь кипит и ищет приключений на голову. Однако все колоритные фантазии переходят на второй план, когда они попадают в плен; в руки безжалостного деспота Генерала-Психолога. Реальная жизнь открывается с иного угла, а смерть становится страстным желанием. Сумеют ли герои вырваться из лютого заточения и вернуться восвояси, или же они увидят неведомый кошмар наяву...

ISBN 978-5-00-518443-6

© Грейт С.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Часть 1	7
Часть 2	10
Часть 3	16
Часть 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В плену совести

Сант Грейт

© Сант Грейт, 2020

ISBN 978-5-0051-8443-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Все может быть под рукой, но может печальный настать момент, когда все превратится в пыль!

Часть 1

Звуки медленно приближавшихся шагов отчетливо доносились до моих ушей. То ли это был ад, то ли узкое подzemелье, отличающееся едким запахом сырости и кислотных веществ. Шевельнув пальцами, онемевшими от груза собственного тела, я начал корчиться в надежде приподняться на ноги. Руки были связаны, а на шее пульсировала невероятная боль, точно после пореза лезвием отточенного ножа. Яркая вспышка мигом поразила глаза, привыкшие за долгое пребывание к темноте. Дверь распахнулась, и в комнату, или, как я уже догадался, в усмирительную, ворвались трое мужчин в промокших до ниточки шинелях, с каплями воды, стекавшими с воротников. Я был обескуражен происходящим, но тут же пришел в полное сознание последующим плеском воды в лицо. Двое из вошедших освещали помещение, держа в левых руках фонари, а правыми придерживали мушкеты, висящие на плече. Стоявший впереди своих подчиненных Генерал рассматривал мое обессиленное тело, не отрывая пронзительный взгляд от моего лица.

После чего негромким, но властным голосом приказал:

– Поднять его!

Беспрекословно повинувшись приказу, конвой пулей ухватился за мои локти, и, не заметив того сам, я оказался в положении стоя. Подкошенные ноги не позволяли мне стоять, отчего приходилось прискакивать, стоя лицом к лицу с худшим врагом во вселенной. Сделав шаг навстречу, Генерал, распорядившись всем владением, прикоснулся к подбородку и приподнял мою голову. Лицо Генерала вплотную уткнулось в мое, и лишь пара миллиметров отделяли нас от соприкосновения. Изучая меня, с психологической точки зрения, он надменно впился в глаза, пытаясь обнаружить все скелеты, которые я хранил в шкафу. Дугообразный шрам на щеке Генерала и светло-голубые глаза настолько проводили по телу электрический ток, что я не выдержал его напора и сломался морально.

Почуввав слабость, он шепотом стал произносить свою речь:

– Ты думаешь, так легко забрать жизнь, которая принадлежит мне? – желчно ухмыляясь, качал головой Генерал, следом повернув мою голову в сторону, посыпал ряд выражений, прильнув к моему уху: – Я владелец жизни и душ. И только я один могу даровать либо отнять то, что не представляет для меня и пыли. Ты меня понял, собака?!

Резкий толчок в голову опрокинул меня навзничь, и ощущение удара о землю на мгновение перезагрузило сознание.

– Поднять на ноги этот мусор! – властно проревел Генерал двум наблюдавшим за сценой солдатам.

За тот промежуток времени, пока меня рывком приподнимали, Генерал движением левой руки вытащил небольшую, но мощную дубинку из-за чехла. Повертев некоторое время ей перед моим лицом, Генерал сделал два шага влево и нанес удар дубинкой в коленную чашечку моей правой ноги, завопил, словно бешеная собака:

– Тащить это ничтожество на улицу. Но только... – сделал он паузу и, взглянув снова прямо в мои глаза, закончил предложение: – Тащить за правую ногу.

Удар, пришедшийся прямо в коленку, заставил меня перевернуться кувырком по воздуху. Сознание полностью восстановилось, однако треск в ноге просто переламывал каждую клеточку моей нервной системы. Ухватившись за ногу, я стремительно приступил к круговым массажным движениям коленной чашечки. Лицо мое настолько искажалось от боли, что порой казалось, что вены на потном лбу вот-вот взорвутся. Высокорослый широкоплечий солдат, вцепившись в мою ногу, начал волочить меня за собой, словно какое-то животное, что ведут на убой. Я чувствовал, как его ногти впивались в ногу от напряженного сжатия моей голени. Впереди всех, не мешкая, самодовольной походкой продвигался Генерал, сложив

обе руки за спину. На улице лил проливной дождь. Октябрьская ночь не давала о себе забывать. Гром и молнии сопровождались пугающими сценами, происходящими в глубине облаков. Пронизывающий ветер охлаждал лицо. Выстроенная толпа лицезрела мое исхудалое тело, которое тащили за собой солдаты. Вытащив меня на середину двора, Генерал начал штудировать вереницу людей, образовавших полумесяц. Это была группа обессиленных, изуродованных и изможденных зевак, которые находились под надзором остальных солдат. Генерал шаг за шагом злорадно изучал пленных, опустивших головы, показывая свою покорность. Эта картина напоминала жестокого диктатора, покорившего и уничтожившего моральный дух людей.

Немного помолчав, Генерал обратился к толпе весьма деликатно:

– Добрый вечер, господа! Прошу прощения за такой поздний сбор. Наверняка я отнимаю у вас бесценное время и покой! – выпалил Генерал, широко улыбаясь и игриво кланяясь за причиненные им «неудобства».

Без сомнений, каждый из присутствующих улавливал его нотки сарказма и лукавую любезность, но осмелиться выпалить все это ему в лицо никто не решался.

– Скорее всего, вы задаетесь вопросом: «Почему мы здесь собрались в такую омерзительную погоду?» Как вам известно, – немного выпрямив плечи, продолжал Генерал, – общество не может существовать без определенных, установленных для поддержания порядка, правил. И правила должны соблюдаться беспрекословно, – повысив интонацию, он подчеркнул слово «беспрекословно». – Иначе воцарится хаос. Затем разрушение. Ну а затем и вымирание общества. Самый непростительный грех, который человеческое существо способно совершить, в моем понимании, – это воровство. Другими словами, умышленное желание завладеть и распоряжаться чужим имуществом. Все мы знаем, что запретный плод сладок. Ведь так? – обратился с вопросом к толпе, которая вынужденно, но вяло произнесла:

– Да!

Сделав пару шагов назад и указав на меня пальцем, Генерал приблизился ко мне и, положив грязную подошву с въевшейся грязью на мое лицо, заговорил на тон выше:

– Возможно, вы считаете меня несправедливым и жестоким человеком. Однако это совсем не так. Я не делаю опрометчивых шагов без определенной причины. Однако это животное пыталось совершить самоубийство на рассвете этого дня, вследствие чего он был пойман моими приближенными братьями. То есть, выражаясь более конкретно, он пытался выкрасть жизнь, принадлежащую мне.

Во всем дворе воцарилась мертвая тишина и слышалось, как капли дождя со звоном приземлялись на землю. Каждый из зевак замер от неадекватных высказываний Генерала и из кожи лез растолковать всю суть его мышления.

Генерал четко осознавал этот каверзный момент и, обратившись напрямую, приступил к разъяснениям в свирепой для себя манере:

– Каждый, кто осмелится кинуть взор на мое имущество, будет подвержен жестокому наказанию. Жизнь, которую каждый из вас считает своей, в сущности, находится в моей власти. Я ваш господин, владыка и повелитель. Возможно, я недоходчиво делюсь своими мыслями, но, думаю, для всех вас следующее представление прояснит картину моего воображения, – грозно делая акцент на слоги, Генерал отдал приказ к началу действий.

Стража Генерала подбежала ко мне, словно буйные разъяренные быки, и привязала меня к бревну, специально смонтированному для подобных наказаний. Два метра в длину, вырезанное в форме человека, твердое дубовое изделие. Каратель Генерал для усиления агонии разодрал всю одежду, оголив меня. Капли дождя стекали по всей спине, чувствующей надвигающееся терзание. С одной стороны, страх съедал меня с головы до кончиков пальцев ног. Но с другой, необъяснимое желание выжить любой ценой укоренялось молниеносно в разуме, придавая мне новые силы для борьбы.

Резкий звук кнута рассеял всю мою растерянность, и, сжав как можно сильнее зубы, я ощутил сильный удар по пояснице. Темп, с которым каратель наносил удары по спине, ускорялся с каждым последующим ударом. Я подскакивал на месте, как бы пробуждаясь от сна. Сильнейшая судорога искажала все лицо, но я старался не издавать ни единого звука. Я откидывал голову назад. Удары сыпались градом. Временами я терял сознание, но следующий полученный удар приводил меня в жизнь вновь. Я чувствовал, как кровь начинала струиться из ран и течь с усталых плеч к пояснице. Как бы я ни старался скрыть все страдание, напряженные мускулы и искры, летящие из глаз, прекрасно транслировали мое состояние. Мужество и стойкость на лице постепенно сменились отчаянием и бессилием. Голова опустилась вниз, и я замер в полумертвом положении. Последним, что запечатлелось в моей памяти, был злорадный хохот Генерала.

Часть 2

– Фэйт, очнись... Фэйт, брат мой! Не вздумай оставить меня одного. Мы еще выберемся отсюда! Фэйт... – эхом доносились отклики до ушей.

Мокрая материя, прильнувшая к моему лбу, смягчала неопишемую дрожь, пробегающую по всему телу. Лютая лихорадка производила беспрерывные атаки, награждая меня прерывистыми вздрагиваниями.

– Кажется, он начинает приходить в себя, – слышался разговор моих собратьев.

Усиленно приподняв веки утомленных глаз, я увидел моего названного брата Вара, который благоговейно благодарил Господа за мое пробуждение.

– Ва-а-а-ар... – усиленно выдавливая из себя слова, пролепетал я.

– С возвращением, друг мой. Я уж боялся, ты не захочешь взглянуть в мои глаза снова. Я понимаю всю трагедию нашего положения, но разве это требовало твоей смерти? Как ты мог принять решение оставить меня одного в этом мире? – заговорил Вар, приложив руки к моей голове.

Собравшиеся надо мной смирившиеся, как мы их называли с Варом, поглощали весь воздух, не позволяя мне спокойно и равномерно дышать.

С обеих сторон от Вара стояли зеваки, с упованием подбадривая его фразами:

– Ну слава богу! Мы ведь говорили, что с ним все будет хорошо.

После чего высокий исхудалый старичок обратился ко мне:

– Парень, да ты родился в молитвах ангелов. Спасся дважды из рук самой смерти. Мы глубоко рады, что все обошлось благополучно, но все же теперь будь осмотрительнее. Генерал не даст тебе отныне покоя. В его глазах ты превратился в обезумевшего зверя, которого следует приручить.

Рядом стоявший мужчина, со ссадинами на лице и с татуировкой (кусающей свой хвост красной змеи) на правой руке, подхватил оживленный разговор:

– Да, Карась прав. Генерал, можно сказать, отныне станет твоей тенью. И за каждую оплошность, которую ты совершишь, будет выписывать новое наказание. Ты помнишь, как Психолог, – такова была кличка Генерала, – вплотную занялся перевоспитанием Хэла? – кинув взгляд на лежащего позади толпы Топира, передал ему слово.

Топир, с желчной физиономией покачав головой, приблизился к нам и принялся рассказывать историю о перевоспитании:

– Хэл был молодой парнишка лет 24. Попался так же, как и все мы. Привлек его, проще говоря, большой заработок на мнимой легкой работенке. Если не ошибаюсь, семья его была в ничтожном положении. То ли мать у него болела раком, то ли отцу требовалась операция. Не суть, – проскулил Топир и, подобрав ноги под себя, продолжил: – Оплошность, которую он совершил, заключалась так же в воровстве. – Он приподнял бровь, указав на меня. – Только на сей раз он положил глаз на казенный картофель. Парень был зеленый и ненасытный, черт его знал. Попался при втором своем забеге. Психолог заранее был осведомлен и нарочито приманил, так сказать, мышью куском гребанного сыра. – Топир вставлял сквернословие при каждом удобном случае. – Не успел Хэл прикоснуться к мешку, как Психолог собственноручно вонзил ему в руку серп, вслед пройдя им по линии окончания тканей руки, так что у того она разделилась, к чертовой матери, надвое...

Вздрогнув от воображения той картины, Топир последовал дальше:

– Мурашки пробежали по всему телу у каждого оборванца, наблюдавшего невероятные крики Хэла. А самое омерзительное, – заглушив голос, промолвил рассказчик, – это хладнокровный взгляд, с каким психолог лицезрел струящуюся кровь. Схватив Хэла за руку, Генерал

с удивлением спросил: «Тебе что, больно?», – имитируя движение тела Психолога, продемонстрировал Топир ту сцену событий.

– Ну продолжай, продолжай! – выкрикивали сзади изуродованные смирившиеся, подзывая к заключению исхода.

– Этот психически тронутый Генерал при виде успокаивающегося Хэла увел его к себе в барак. И что ты думаешь? – вдруг нахмурился Топир. – Он, как добрый человек, помог ему остановить льющуюся кровь, бережно зашив рассечение леской для ловли рыб.

В сарае воцарилась мертвая тишина, и через некоторое мгновение Вар, мой друг, задался вопросом:

– А что с ним в конце-то случилось? Ну, с этим Хэлом?

Топир заговорил:

– «С Хэлом?» Психолог, для общего познавательного примера, выволок его на «золотую середину». – Золотой серединой называлась середина двора, на котором проводилась казнь. То же место действия моего наказания. – Так же, как и тебя, – Топир указал на меня пальцем, – привязал его к умирительному стульчаку. Как полагается по обычаю, произнеся свою «великую», мать его, речь, начал безжалостно просовывать 30-сантиметровые вязальные иглы под ногти Хэла. Бедняга не выдержал этих мучений и скончался, когда Генерал переходил к четвертому пальцу, – прочистив горло, добавил Топир. – Я видел все воочию, и, признаться, тот эпизод навел на меня ужас и страх перед спокойствием Психолога, который проделывал это, словно вонзал иглу в подушечку.

Внезапно в унисон, пораженно ухмыльнувшись, все обратили взор на меня:

– Считай, что ты легко отделался. Точнее, благодари бога, что ты пытался «украсть» свою собственную жизнь. В противном случае мы бы тебя кусками собирали. А такое у нас бывало!

Слова, произнесенные смирившимися, оказали обратное влияние на меня. Я хотел подняться, но разрезы на спине, не успевшие достаточно зажить, начинали раскрываться по швам. Это была самая невыносимая боль, которую я испытывал на протяжении жизни. Конечно, на тот момент это виделось мне таким образом. Однако я не представлял того, что это было всего-навсего ощущение легкого пореза пальца после неудачной попытки работы с ножом, в сравнении с тем, что меня ожидало впереди. Увидев мою неспособность самостоятельно приподняться с постели, а точнее, с сырой земли, уложенной разодранными лохмотьями, Вар удержал меня от последующих попыток:

– Успокойся, Фэйт! Не вставай! Ты не окреп в достаточной мере. Тебе нужен отдых и покой. Я нуждаюсь в тебе брат. Мы выберемся отсюда. Вот увидишь!

Взглянув на полуголое тело Вара, я мигом осознал, что лохмотья, на которых я почивал, принадлежали ему. Я изо всех сил принялся вытаскивать их из-под себя и сделал резкое, совсем не надлежащее при моем состоянии, движение правой рукой. Треск по кругу позвоночника дал ход разрыву заживающим ранам, откуда незамедлительно пустилась струя крови. Крепко стиснув зубы, так что лязг раздался по всему сараю, я испустил мучительный стон.

Вар, положив руку на плечо, промолвил:

– Не нужна мне эта дрянь! Что ты делаешь? Оставайся спокойно. Тебе необходимо отдыхать. Не терзайся напрасно. Пойми, чем быстрее ты окрепнешь, тем быстрее мы перейдем к действиям.

– Но ты можешь простудиться. Тут жутко холодно. Тебе, вообще-то, тоже надлежало бы беречь свои легкие. А то и гляди, по дороге к родному дому ты заработаешь себе пневмонию! – едва улыбаясь, подколол я товарища.

– Ты действительно думаешь, что после всей этой жути я поддамся этой, как ты сказал, Пневмонии? – оговорился неграмотный Вар.

Закудахтав, как взъерошенный, я поправил его, указав на его невежество:

– Пневмония, бездарь ты такой. Не удивительно, что ты не сумел осилить и пятого класса.

– Не-ет. Здесь ты не прав. Это не я не осилил, а у школы не осталось достаточного материала на развитие моего высокого уровня интеллекта!

Хохот окутал все помещение и покой отдыхающих, которые после утомительной работы с радостью и печалью слушали нашу сладострастную беседу. Никто не имел намерения утихомирить нас, так как случай, произошедший со мной, вызвал сильную жалость. Касарь, подойдя к нам, предложил Вару оставить меня, после чего удалился равномерным шагом.

Вар беспрекословно согласился с ним и подбодрил меня словом:

– Отдыхай!

Подарив мимолетную улыбку, я прикрыл глаза, после чего, прокрутив в голове положение, в котором находился, погрузился в младенческий сон.

Удар грома разбудил меня. Сделав глубокий вдох и выдох, я вытер лоб от собравшегося на нем пота. Несколько попыток приподнять голову не увенчались успехом, и я безнадежно окинул взглядом весь сарай. Смирившиеся, включая рядом лежащего Вара, пребывали в глубочайшем погружении в сон. Уверен, это была та идиллия, которую никто не спешил покинуть. Как ни странно, в голове крутилась одна и та же навязчивая мысль: «Как же побыстрее выбраться из этой западни?» Я понимал, что это не совсем простая задача, что передо мной весьма тернистый путь, несмотря на тот факт, что я лежал полуживой. Однако новые амбиции выжить и вернуться к себе домой генерировали в моем теле новую, кипящую и извергающуюся энергию. Размышляя об этом, я услышал пару вздохов, исходящих из конца ряда смирившихся. Глаза, приспособившиеся к потемкам, подстроились под силуэт, махающий руками, словно умалишенный.

– Эй ты? В конце? – прошипел я, подзывая его свистом.

Силуэт, заметив мои призывающие жесты, умеренными шагами начал направляться в мою сторону. Чем ближе он подходил, тем яснее вырисовывалась его физиономия. И лишь когда он оказался в полуметре от меня, его лицо полностью прояснилось.

– Соломон, ты, что ли? Ты чего не спишь? Вдобавок руками размахиваешь?

Это был мужчина 49 лет, небольшого роста, с лысеющей головой. Крупное телосложение и шрам на затылке придавали харизму его личности. Каждый заключенный знал его как Старичка, несмотря на то, что звали его Соломон Гилян.

Вздыхнув и покачав головой, Старичок промолвил развязным и насытившимся жизнью тоном:

– А что мне еще делать, старику? Похожу в один край сарая, посижу на другом. Скукота, как говорится. Вот и забавлял себя, изображая руками двух беседующих попугаев. Ну это так, разогнать скуку.

Удивленный его ответом, я напрямую поинтересовался вполне очевидным:

– Ну а как насчет того, чтобы просто поспать?

Казалось бы, вопрос был отнюдь простой, но раздумья, прочитанные в глазах Соломона, заставили усомниться в правильности заданного мной вопроса.

Подняв обе руки, выпучив глаза, Соломон с удивлением уточнил:

– А как?

Комментарий старичка начинал рождать в голове мысли наподобие: «Не сошел ли с ума этот старик?» Признаться честно, я немного испугался этого, возможно сумасшедшего, старика.

Осторожно подбирая слова, я постарался передать объяснение, во всех деталях, процесса сна:

– Ложишься на место. Закрываешь глаза. Расслабляешь тело и погружаешься в глубокий сон.

Понятия не имею, насколько это выглядело со стороны смешно, но Соломон разразился хохотом, который разбудил караульных собак.

Мгновенно произведя проверку территории, охрана успокоила собак, после чего Старичок обратился ко мне:

– Видишь этот шрам? – Он указал на голову. – Он изменил всю мою сущность и отношение к этому убогому миру. В прошлом году, будучи новоприбывшим в этих местах, я был крайне вспыльчивым и самовлюбленным. Я всячески старался убеждать людей отстаивать свои права на обеспечение достаточной пищей. Курьезным моментом служил тот факт, что я понятия не имел, что наш «всеми любимый» Генерал был в курсе всех пороков, – Соломон усмехнулся, предвкусил, как мне показалось, былую оплошность и продолжил: – Будучи новичком, я тайком подговаривал людей высказывать свои нужды на недельной «передовой». Как ни странно, Психолог сыграл со мной ту же игру, что и с Хэлом. Подбросив далеко сеть, он терпеливо ожидал момента, когда я попадусь, – тяжело вздыхая проговорил Соломон. – Гусь, бывал у нас такой, намекнул мне, что готов поддержать идею и загнал меня в готовые растерзать лапы Генерала. Не успел я повернуть за угол сарая, как лично познакомился с дубиной Генерала. Искры вылетели из глаз, и мне почудилось, что глаза вот-вот выскочат прямо в ладони.

Если бы мне поведали эту историю пару месяцев назад, наверняка по телу прошла бы искра, но нынешнее положение адаптировало меня к жизненным феноменам.

Сделав глубокий вдох и откашлявшись тщательно, Соломон приступил к демонстрации сцены избияния младенца:

– Первый удар моментально заставил меня поцеловаться с землей. Едва я начал осознавать происходящее, как Психолог наградил меня последующим градом ударов прямым в то место, откуда текла кровь. Удар за ударом оглушали меня, и я захлебывался собственной кровью. Единственное, что помню из того дня, были и останутся безумные глаза Генерала. На его лице была ярость, а удары сопровождались чередой ругательств: «Скотина! Отпрыск зверей!» Тот свирепый взгляд был олицетворением жестокости в крайнем ее проявлении. Бессонница. Вот причина, по которой я не могу заснуть. С того вечера я не сумел сомкнуть глаз. Как бы я ни прилагал усилия, и по сей день все бесполезно!

– Мне очень жаль! – искренне выразил я чувства, не сумев найти подходящих слов, после чего добавил: – Ну а что произошло с Гусем? Его освободили?

Взглянув на меня с иронией, Соломон откликнулся:

– А как же. Сейчас поживает на лаврах. Попивает горячий кофе и живет умеренной жизнью! – усмехнулся Соломон и продолжил: – Хотел бы я так тебе сказать! Но увы, Психолог не только терпеть не может зачинщиков и воров, а также крайне не выносит стукачей. Гусь был заживо похоронен в свинячем помете в знак милосердия Психолога. А в награду за оказанную им услугу обществу получил эпитафию: «Здесь похоронено дерьмо!» Вот такие у нас пироги, зеленый! – проговорил Соломон и хлопнул меня по плечу.

Помехи радио прорезали тишину, возникшую между мной и Соломоном. Наши взоры молниеносно устремились к входной двери. Это было предвестием того, что на часах промежуток от 4:55 до 4:58. Генерал был смертельно пунктуальным тираном. Ровно в пять часов утра он ежедневно врывается в сарай и самолично приветствовал новый, наступивший, как он выражался, счастливый день. Многие с удовольствием поспорили бы с ним насчет этого. Но увы! Это было бы самоличным хождением по лезвию сабли.

Самым омерзительным в раннем подъеме было убогое радио, которое воспроизводило одну и ту же, записанную Психологом, пленку, привнесшие строки которой окутывали весь округ:

*Мы не живем,
Мы существуем,
И днем и ночью
Мы воюем...*

*Хо-хо-хо-хо...
Мы не живем,
Мы существуем,
И днем и ночью
Мы воюем...
Хо-хо-хо-хо...*

Один за другим смирившиеся впали в пробуждение. Гул быстро поднялся в сарае. Каждый молился о спокойном дне.

Не успел Вар раскрыть глаза, как принялся интересоваться моим состоянием:

– Ну как ты, старина?

– Можно сказать, в порядке. Однако я не имею понятия, что меня ожидает впереди. Всю ночь я не сомкнул глаз. Соломон разделил мою участь, рассказывая невероятные повести о доблестях генерала, – высказался я, с любопытством уточняя: – А ты знал, что у Соломона бессонница?

– Я слышал, что он не дружит с головой. Но я даже не представлял, что он заботливо караулит нас по ночам, – игриво вымолвил Вар, почесывая затылок, как в большинстве случаев делают люди, удивленные неожиданными вестями.

До прихода Психолога, по нашим грубым расчетам, оставалось порядка 50 секунд. Все были в суматохе из-за утренних ритуалов. Кто-то прихорашивался, невзирая на бесполезность этого занятия, кто-то затягивал спину обмотками лохмотьев, так как у большей части пленных боль в спине была первым свидетельством скверного проживания. Пара чудиков, собравшись в угол, впадали в истерику, осуждая и порицая себя за то, что так малозначительно ценили жизнь, а точнее, относились к ней беспечно.

– Гав, гав! – прозвучал рев собак.

Дверь распахнулась наискось, проливая утренний свет в середину темного сарая. Незаметно за светом, с сияющей до белизны миной, ворвался Генерал.

– Доброе утро! – поприветствовал свойственным ему спокойным и хриплым тоном Психолог, вслед добавляя: – Мусор!

Без колебаний любой из нас с неописуемой щедростью подарил бы ему пару плевков прямо в его уродливую, наполненную надменностью и величием, физиономию. Однако окружающая его гвардия, превышающая нас количеством и вооружением, подавляла одним своим видом и готовностью пустить в бой мушкеты наше желание.

– Время восхитительного завтрака! Вам нужны силы, чтобы беспрекословно выполнять мои поручения, – вывалил Генерал, примостившись возле входа в сарай.

Солдаты стрелой ворвались и окружили смирившихся. Через ворота сарая вереницей начали продвигаться заключенные, получая от Психолога подбадривающие кивки, с полной лукавства улыбкой.

– Товарищ Генерал? – воскликнул коренастый вояка, приблизившись ко мне и пребывая в недоумении. – А что с этим делать?

Состояние мое производило положительный оттенок, однако изодранная спина отказывалась всячески сделать лишнее движение.

Мелкими шагами Генерал приблизился к моему ложу. Расправив к небу руки, он проговорил во весь сарай, словно находился в пресловутом театре, который приехали посмотреть люди со всех частей света.

– Так это же наш висельник! А я-то пребывал в упоении, что ты уже того, скончался. Не суть! – произнес трепетно Генерал, вслед прильнув вновь к моему уху, добавил: – У меня грандиозные планы на твой счет! Так что и не думай о смерти и набирайся необходимых тебе сил!

Генерал выпрямился, расправил плечи, сложил руки за спину и приказал оставить одного человека присматривать за мной и не предоставлять мне еды до вечера, подкрепляя доводы словами: «Кто не трудится, тот не ест!» Психолог отправился в свое «путешествие», напевая себе что-то под нос. А я остался наедине с тем самым солдатом, который первым обратился к Генералу. Ворота захлопнулись. Тьма окутала помещение, ну а снаружи бесперебойно прокручивалась все та же мелодия унижения и оскорбления человеческого существа:

*Мы не живем,
Мы существуем,
И днем и ночью
Мы воюем...
Хо-хо-хо-хо...
Мы не живем,
Мы существуем,
И днем и ночью
Мы воюем...
Хо-хо-хо-хо...*

Часть 3

Топот лошадей, крики гвардейцев и маршировочные шаги смирившихся предвещали о наступлении в поход. Больше всего меня интересовала судьба Вара, который, невзирая на закаленность и силу духа, оставался отшельником в этой сваре волков. Проводив товарищей в путь, конвой, а точнее, мой личный ангел-хранитель, воротился, облегченно вздыхая. Как я уже упоминал, это был коренастый, широкоплечий солдат, старше меня на восемь – девять лет. Светло-карие глаза и крючковатый нос раскрывали его особенность лица. Армейская прическа, положение его тушки в пространстве и невербальный язык тела делали его довольно яростным на первый взгляд. Но несмотря на все эти качества суровости, как покажет будущее, это был человек живущий по голосу совести.

– Извините, как вас зовут? – обратился я, как только он занял свое служебное положение. На вопрос я получил одно безразличное молчание.

Я попытался противиться судьбе и обратился к нему снова:

– Извините, могу я вас кое о чем попросить?

Движение головы из стороны в сторону ясно предоставило мне отрицательный ответ. Глубоко набрав воздуха в легкие, я закрыл глаза, но все мои усилия заснуть были тщетны.

– Эй! – набравшись смелости, прокричал я, будучи наполненным яростью и решимостью.

– На твоём месте я бы старался быть тише воды, ниже травы, салага. Ты и так находишься в списке любимцев нашего почтенного Генерала! Лучше не накаляй ситуацию и мужественно умири свои нужды, – строго, кратко и резонно промолвил солдат.

Я проштудировал совет и пришел к заключению, что он отчасти прав. Мое положение и так было не из легких. Все это было ясно как день, однако горло с каждой последующей секундой призывало отведать глотка воды. Пользуясь отсутствием Генерала, я решил рискнуть попросить этого стражника об услуге:

– Я не собираюсь препятствовать вам исполнять ваши обязанности, но я был бы благодарен, если бы вы позволили мне сделать глоток воды. Во рту все пересохло, а в ушах образовался вакуум!

– Думаешь меня перехитрить и смыться? – монотонно проворчал солдат, с пронзительной ухмылкой, сдерживающейся с трудом на суровой физиономии.

– Взгляни на мое положение, друг! – смело обратился я к нему на «ты». – Неужели я похож на человека, который способен что-нибудь предпринять? Я даже встать не могу с места! Кроме того, даже если мне удастся это, снаружи караулят твои товарищи.

– Я понимаю, но нет! – твердо выговорил солдат, взглянув за ворота, чтобы убедиться, что вокруг все тихо.

Пару часов пролетели однообразно. Я почивал на своем ложе, а «телохранитель» не покидал своего поста, временами совершая круги по сараю. Я задумался о своей прошлой жизни. Веселые праздники, посиделки с друзьями, девушки, жаждавшие приударить за нами. Все это настолько крутилось в мозгу, что мне порой не хотелось возвращаться в суровую реальность, в олицетворение издевательства и унижения человеком, имеющим силу, над человеком бесильным.

– Как твое имя? – невзначай раздался голос солдата.

Было ясно видно, что солдат затосковал от второсортной и изнурительной работы, которая продвигалась, словно улитка, от одного края моста к другому.

Удивленный его вопросом, я ответил:

– 517.

– Я имел в виду твое настоящее имя!

Каждый пленный имел свой отзывной номер, по которому откликался. Психолог категорически запретил использовать имена заключенных и приучал их мозг лишь к порядковым номерам. Это был один из его инструментов разрушения человеческой личности.

– Фэйт Диллоу!

– А меня Николь Грам! – в ответ представился солдат, вслед задавая последующие вопросы: – Откуда ты? Как ты сюда попал?

– Я из Грины, небольшой городок в северо-восточном Белане. А что касается того, каким образом я сюда попал, то я могу сказать лишь одно: я заслужил все, что имею на сегодняшний день.

– То есть?

– Я был ничтожным сыном для родителей, покинувшим отчий дом ради хорошей жизни, совмещающей выпивку и женщин. Я никогда не забуду глаза моей матушки, когда, вопреки ее настояниям и попыткам отговорить меня от безумных авантур, я безжалостно отверг ее! – На момент я замолчал, после чего дополнил: – Мы с Варом, моим другом, отправились в Хисинки, чтобы зажить полной жизнью, ну а ваши приняли нас, когда мы попили в каком-то баре!

Выслушав меня, Николь покачал головой, что показывало его сетования. Я заметил, что слегка смягчил его откровенной исповедью.

Опустив оружие на пол и закулив сигарету, он продолжил беседу:

– Молодая кровь всегда стремится познать все прелести этого мира. Но бывают моменты, когда эти ожидания не оправдываются, а опрокидываются горем на наши головы, – в его голосе таилась нотка сожаления о чем-то.

Уловив момент, я решил ухватиться за эту нить:

– Возможно, ты тоже испытываешь душевные переживания по прошлому? Возможно, что-то такое терзает твою душу?

Задержав на мне пристальный взгляд, Николь поддался раздумьям. На момент мне показалось, что у него происходит внутренняя борьба над вопросом, поделиться или не поделиться своим скелетом в шкафу.

В конце концов, приняв решение, он заговорил со мной:

– Я такой же грешник, как и ты! По ночам мне нет покоя и сна. Совесть разъедает меня изнутри на протяжении двух лет. Не знаю, смогу ли я избавиться от этих мучений, но одно знаю наверняка: какое бы благое дело я ни совершил, мой грех будет преследовать меня до конца моих дней!

Интонация, с которой он вещал, приглушила голос. Он топтал ногой землю, а на ладони правой руки рисовал какие-то символы. Было очевидно, что он скорбит о своих деяниях. Мне не терпелось разузнать причину, которая терзала его.

Деликатно подбирая слова, я выбрался в ряд искусного слушателя:

– Не знаю, что ты совершил, но поникший взгляд твердит о глубоких сетованиях по поводу этой боли. Возможно, я лезу не в свое дело, но я был бы глубоко рад выслушать тебя. Порой людям становится намного легче, когда они освобождают душу от тяжелой ноши, хранящейся внутри!

Николь внимательно выслушал исходящие мои мысли, а я в свою очередь осмелился поделиться с ним своим горем:

– Как я уже тебе сказал, единственное, о чем я сожалею, это то, каким образом я обходился с родителями. Не о том, что я нахожусь в убогом месте, где в любой момент смерть может расправить руки. Не о том, что лежу полуживой с отбитой поясницей. И даже не о том, что я могу покинуть этот мир, не вкусив всех блаженных плодов. Единственные слова, которые вертятся в голове, – это: «Сынок, послушай свою мать. Не уходи, останься со своей семьей. Ты наша опора и смысл жизни. Нам с твоим отцом нужно лишь видеть твое счастье!»

Проговорив слово в слово сказанное матушкой, я представил во всех красках ее облик. Ее румяное лицо с морщинами на лбу. Ее непрерывные обращения к богу с единственной целью осветить мой путь. А в особенности ее текущие по щекам слезы, за который я не был готов отдать свою жизнь.

Не знаю, насколько сильно эти слова затронули сердце Николя, однако я заметил, как он одолел колебания и решил раскрыть свою загадку. Лицо Николя сузилось, плечи опустились, а в глазах я увидел мимолетное воспоминание. Он сделал два шага мне навстречу, сел на корточки и приступил к повествованию:

– Ты знаешь, моя жизнь была полна счастья. У меня была достойная и любящая семья, близкие и преданные друзья и любимая девушка Лали. Как и любой влюбленный мальчишка, я был окрылен любовью, готовый совершить тысячу безумных подвигов. Лали придавала смысл моему существованию. Дни протекали в колоритных тонах. Я засыпал, чтобы поскорее проснуться, а просыпался, чтобы поскорее увидеть ее милое личико, полное живости. Мой целый мир, как мне чудилось, вращался вокруг нее. Я питал надежду жениться на ней и построить полноценную семью. – Николь возбужденно вздыхал при этих воспоминаниях, протирая глаза тыльной стороной ладони. – В те времена я был молодым офицером, достойно и благоговейно выполняющим свои обязательства. Родители гордились мной, друзья почитали и уважали, а девушка любила безрассудно. Одним словом, все было слишком уж приторно, словно счастливые концы в сказках, – пока Николь повествовал, его голос постепенно изменялся. – Как-то вечером мы решили отметить помолвку. Мы примостились в баре «На краю», наслаждаясь компанией друг друга. Как ураган, двое грабителей ворвались внутрь и принялись угрожать оружием, размахивая им перед посетителями. Первый из грабителей, влетев в помещение, ударил прикладом кассира, стоящего у столика гостей. По-видимому, они спланировали все заранее, так как были прекрасно осведомлены, где находятся деньги. Поднялся крик. Паника охватила каждого из посетителей, но она была мигом укрошена выстрелом в потолок. Я понимал, что лучше всего стоило бы позволить им сделать свое дело и уйти. Но мое чувство гребанного достоинства и долг перед страной не сумели усмирить меня. Вытащив из кобуры пистолет, я выпустил пулю, которая прилетела в бедро одного из грабителей. Удивленный внезапным нападением, второй из них бросился наутек. Я последовал за ним. На мои крики «Стоять!» он ответил двумя выстрелами, которые пролетели мимо меня. Я сконцентрировано прицелился и выпустил очередную пулю. В то же самое время испуганный стрельбой мальчишка пробежал через улицу. Пуля прилетела прямо ему в грудь. Разбойник скрылся. А я запечатлел в памяти медленное приземление мальчика на землю. Шок моментально овладел моим телом. Я не чувствовал конечностей, а мозг отказывался рассуждать осознанно. Все мое тело погрузилось корнями в землю, – сделав паузу, Николь пустил слезу, которая сползла с его лица на ладонь.

Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа и испытывал дрожь, холодевшую кровь.

– Взяв себя в руки, я подбежал к бедному мальчику. На вид ему было лет 16 или 17. Стройный, с приятным лицом паренек. Он глядел на меня широко раскрытыми глазами, и в этом взгляде я читал мольбу о помощи. Он начал захлебываться кровью. Я сжал его ладонь и начал взывать во все горло о помощи. Никто не откликнулся, и я со вздохом наблюдал происходящее. Постепенно его сердцебиение стало учащаться. Пульс начал вибрировать. Я прижал рану пиджаком и попросил его назвать имя. «Норман», – задыхаясь, проговорил он. Я попытался подбодрить его, что все будет хорошо. Однако не успел я закончить фразу, как он скончался у меня на руках.

Я слышал, как мои органы отчаянно выполняли свои функции. Весь покрытый мурашками, я выдержал паузу, предоставив ему возможность выплеснуть свои эмоции, после чего со скорбью спросил:

– Ну а что произошло после?

– На следующий день мы похоронили Нормана. Единственным членом семьи была его исхудалая, больная мать. Я прекрасно осознал, что совершил непростительный и самый ужасный грех, на который способен человек, поэтому постарался помочь его матери всем, чем мог. Я провел похоронные мероприятия и передал ей все, накопленные на свадьбу, сбережения. Ее горе было неизлечимым. Но в то же самое время я страдал не меньше. Я уволился со службы, разлучился с любимой и покинул отчий дом. Пару месяцев я скитался, как бездомный, не имеющий определенных целей в жизни, ну а после встретил Генерала, который чуточку сумел успокоить меня. На тот момент он крайне деликатно обработал мой мозг, укоренив во мне мысль, что это, в сущности, не моя вина, а того чудика, ворвавшегося в бар. Помешанный на мысли о том, чтобы разыскать мерзавца, я бросил все силы на его поиски. Генерал облегчил мне работу, предоставив его в мое распоряжение. Я смотрел прямо ему в глаза и объяснял причину, по которой его линчевал. Таким образом, я выхватил клинок и распорол ему брюхо, проведя им до самого горла, после чего шептал на ухо слова: «Его звали Норман!» – до тех пор, пока его кишки не сложились в клубок на земле. Испытывая благодарность и чувство долга перед Генералом, я присоединился к его отряду и стал преданным человеком.

– Ну а твоя семья? Неужели ты больше не вспоминал о них?

– Им будет намного легче без меня. Я вычеркнул их из своей жизни, и им следует сделать то же самое, – с наигранной уверенностью проговорил Николь, в голосе которого я заметил неистовое желание увидеть их вновь.

Я не смог найти подходящих слов, чтобы как-то выразить сожаление, и все, что я сумел сказать:

– Мне очень жаль!

Николь, почувствовав искренность слов, поблагодарил меня и умеренными шагами покинул сарай. Не прошло и минуты, как он уже воротился с блюдцем в руках. Это была вода. Он опустился на колени и помог мне сделать пару глотков.

– Спасибо! – благоговейно произнес я.

Николь ничего не ответил и, вновь покидая сарай, заговорил:

– Отныне будь повнимательнее с Генералом. Не иди против его воли, в противном случае это плохо кончится.

Я осознал, что в целом он был прав. Но бурлящая кровь, текущая в венах, направляла мысли на побег.

За последние 38 часов я крайне убедился, что такое существование не для меня. Я поклялся, что освобожусь от этого проклятого места либо умру, прилагая усилия осуществить план.

Увидеть вновь улыбку на лицах родителей стало идеей, от которой я был не готов отказываться. Теперь-то я отчетливо знал, для чего я должен продолжать жить.

Не успел я сомкнуть глаз, как гул машин и топот коней пробудили меня. Крики раздавались всюду. Единственным на данный момент лучиком надежды был Вар. Я отчасти полагался теперь на его помощь. Я сознавал, что он будет бок о бок сражаться со мной до конца.

Ворота распахнулись с искажающим слух скрипом от заржавевших петель. Первыми в сарай ворвались солдаты, жестоко опрокидывая смирившихся одного за другим. Потихоньку помещение начало заполняться. Люди были утомлены. Пот тек по всему их телу, а подкошенные ноги, словно на ниточках, держались на земле. Внезапно у ворот появились Карась и Топир. Они быстрым ходом пронеслись в самый отдаленный угол сарая, неся в руках Била, которой, по-видимому, был без сознания. Я не мог разглядеть, что происходило в конце угла, но, судя по столпившимся, было нечто печальное. Ворота заперли, и мы остались наедине с Варом.

– Что произошло? – незамедлительно обратился я к Вару.

– Змея укусила Била за ногу во время сбора. Говорят, что она была ядовита. Он замер на месте. Люди твердят, что Генерал спас ему жизнь! – слова, произнесенные Варом, оглушили меня.

После чего, откашлянув, я с сомнением уточнил:

– Психолог спас жизнь Билу? Но как? Яд, что ли, отсосал?

– Естественно, нет. Ты думаешь, этот полоумный пойдет на такое? Он просто-напросто, не мешкая, отрубил ему ногу, даже не думая, что предпринять!

– То есть он разрубил ему ногу пополам? – не веря услышанному, переспросил я.

– Ну да! Это животное еще возгордилось, что героически спас ему жизнь. Как по мне, змея вовсе не была ядовитой и можно было обойтись простым обработыванием раны спиртом.

Вар всегда был резким и кротким человеком. Невзирая на свои достоинства и врожденное крупное телосложение, относился он к людям отзывчиво. Человек он был уравновешенный и четкий в выражении своих мыслей. Обладал нечеловеческой силой, хотя применял ее в крайних случаях. На вид он был грозен, с нахмуренной миной, а в душе чистейшим добряком. Пользовался большим авторитетом среди дворовых, так сказать, верзил, благодаря своему мастерству по боксу. Помнится день, когда, вернувшись после очередных соревнований, он всыпал по полное число громиле, мечтавшему завоевать все улицы нашего города. Громилу звали Брэдом. Без сомнений, Брэд до сих пор вспоминает тот судный день, когда столкнулся лицом к лицу с Варом. Выбитые четыре зуба и сломанный нос стали для него трофеем грандиозного фиаско. Вот тогда-то Вар заслужил авторитет человека, с которым не следует связываться. Силен Вар был всегда, но ахиллесовой пятой была его слабость к алкоголю и женщинам. Даже его, знаменитый на весь город, тренер говаривал, что он стал бы всенародным любимцем, если бы ни его два порока.

– Фэйт... – невольно промолвил Вар, намекая на разговор интимного характера. – Я не стал открывать эту тему вчерашней ночью, но я бы хотел поговорить о том, что ты пытался совершить.

– Убить себя, – высокомерно поправил его я. Он кивнул, а я, не затягивая, объяснил причину своего деяния: – Я понимаю, что это было глупо, однако я рассуждал по-иному, нежели сейчас. Я всего лишь хотел избавиться. Хотел найти легкий путь и освободиться от гнета правления деспота. Мой поступок послужил мне уроком. Теперь я конкретно знаю, чего хочу, и не опущу руки, как слабак, пока не добьюсь своего.

– А чего ты хочешь? – смутно спросил Вар, терпеливо расставляя свои предположения.

– Я хочу обрести свободу. Хочу дышать воздухом беспечно. Хочу увидеть матушку и отца, которые наверняка молятся о моем здоровье и скором возвращении. Я не могу забыть о них ни на секунду. Вот чего я истинно хочу!

Часть 4

Следующее утро не предвещало чего-то неординарного. Я, как ни странно, вдоволь ото-спался. Прилив новых сил возбудил во мне стремление приступить к задуманному плану. Я был бодр и свеж, но все же не ощущал легкости в своих движениях. Раны на спине постепенно затягивались, а боль превращалась в легкое покалывание. Алгоритм утренних процедур вновь повторился. Все та же надоевшая мелодия вызывала отвращение к этому вроде бы прекрасному утру. Мы вереницей покинули крепость, насытились здоровейшей, как утверждал Генерал, пищей, состоящей из двух кусков черствого хлеба и светло-розового недоваренного чая. Мы пустились в путь. Выстроившись в два ряда шеренгой, мы зашагали, словно армейцы, строго исполняющие приказы под надзором конвоя. Вар продвигался со мной в паре. Говорят, утренняя ходьба хороша для моциона, но я бы поспорил с этим утверждением. Если в обычные дни я прошагал бы эту пару километров витая в облаках, то теперь все внимание было устремлено к зацепкам и ниточкам, которые могли бы стать помощниками во время побега. Увы, примечательного в нашем походе я ничего не обнаружил. Путь был пустынным, с двух сторон окруженным лишь полями с черствой землей. Изредка нам попадались мимо проезжающие машины, принадлежащие командованию Генерала.

– Что ты делаешь? – заметив мою увлеченность, спросил Вар.

– Пытаюсь зацепиться за что-нибудь, что послужит нам отправным пунктом во время побега, – осматриваясь по сторонам, пролепетал я.

Джордж, идущий в первом ряду шеренги, неожиданно споткнулся о камень и оказался на земле. В толпе возникла суматоха. Каждый зевака пытался разглядеть происходящее смятение. Конвой, прищпоривая лошадь, подскочил к упавшему Джорджу. Приблизившись к нему быстрым темпом и спрыгнув с лошади, всадник плеткой пустился избивать виновника суматохи. Он бил его настолько жестоко, что тот прикрывал руками голову, напрочь отказавшись подниматься с места. В тот же момент Николь, подбежав к месту действия, схватил руку карателя и, резким движением свернув ее, отобрал плетку.

Затем, повернувшись к толпе, командующим голосом прокричал:

– Успокоиться всем и продолжить свой путь!

Каратель не стал противиться ему и возмущенно, но молча проследовал в конец шеренги. Николь, отдав приказание, принялся возвращаться на пост. Я встретился с ним взглядом, в то время как он проходил мимо меня. В его взгляде уже я не находил того гнева, который я приметил в первые моменты знакомства. Марш восстановился, и приблизительно через четверть часа мы дошли до места назначения.

Прямоугольное хлопковое поле было ограждено рядами крупно-ствольных тополей, посаженных друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Почва была довольно плодотворной, одаривая владельца, то есть деспота-Генерала, богатым урожаем. Издали наблюдалась картина пышного снежного белого золота, свисающего с хлопковых коробочек. Дуновение ветра, нежно щекочущего лицо, лучезарное восходящее солнышко и природная красота местности напоминали картину, написанную художником-гением, вложившим в нее всю душу. Несомненно, природных подарков было с лихвой, но положение, в котором мы пребывали, не позволяло разглядеть все эти дары воочию.

Нас распределили по грядкам, после чего раздался режущий уши свист о начале работы. Дорога, которая была преодолена с трудом, сказала на моем состоянии. Учащенное сердцебиение, одышка и боли в боках характеризовали нестабильное состояние. Привычными моему мозгу движениями я тугим узлом привязал фартук за спину, верхние лямки которого поместились на бугристой шее. Не успел я согнуться, как ощутил острую боль в пояснице. Вар передвигался справа от меня, периодически осведомляясь о моем здоровье. Я понимал, что

норму в двести килограмм мне не осилить; однако я настойчиво держался за мысль совладать собой и сделать все возможное. Руки работали словно комбайны, непрерывно поглощая все, что попадалось на пути. Преодолев десяток метров, я приспособился обходиться без лишнего груза, оказывающего давление на спину, нагружая собранное на колени. Шаг за шагом я преодолевал путь, и мой запас постепенно расширялся. Вар не ускорялся, следуя наравне со мной, словно преданный собрат, действующий на поле боя сообща с другом. На всем поле можно было разглядеть рабочий скот, работавший выгибаясь, точно буквой «г». Никто не осмеливался выпрямляться, осознавая наказание, которое могло последовать за эту выходку. Время летело молниеносно, оставляя ноющие спины и набухающие хлопковые волокна. Если на первых этапах я каким-то образом боролся с нетерпимыми болями в спине, то к полудню держался рукой о ветви, едва прибирая к рукам хлопок.

– Время обедать! – прозвучал голос Николя, сопровождаемый тремя последовательными свистами, звучащими так сладостно для работающих бедолаг.

Потихоньку «муравьи» начали покидать рабочие места, бросая ускоренные шаги в сторону ручейка. Несмотря на то, что на дворе был октябрь, пот стекал ручьем по всему телу. Мои передвижения замедлились, руки тряслись, а порезы обжигали изнутри.

– Что с тобой? Боли возобновились? – проговорил Вар, придерживая меня рукой.

– Что-то мне не по себе. Слабость-злодейка разит меня свои мечом.

– Тебе нужен врач. Может, попросим этих?

– Уж лучше обратиться к дьяволу. Он быстрее заберет мою душу, не причиняя тяжелых испытаний! Ничего, как-нибудь справлюсь.

Кашевар, тучный, почесывающий свое пузо мужлан, с надменной физиономией руководил двумя подчиненными, обслуживающими нашу группу. Один за другим мы продвигались в очереди, неохотно бросая шаги в сторону пищи. Миска, которую я держал в руках, была наподобие той, из которой обычно люди кормят бездомных животных. Хотя я бы возразил, указав, что в этот момент я бы с удовольствием обменялся положением с любым бездомным животным.

Рыжеволосый молодой паренек лет девятнадцати самодовольно бросал клубки риса, проговаривая каждому из пленных фразу, внедряя в мозг смирившихся установку:

– Ешьте, ешьте и не забывайте благодарить нашего почтеннейшего Генерала Сильвио, оказавшего вам такую честь в яствах.

В этот момент безудержно хотелось накинуться на этого рыжего шута, словно я паук, бросающийся на изловленную в паутине муху, с целью вырвать его мерзкий язык. Или, по крайней мере, плюнуть в физиономию. Но сказать это было намного легче, чем сделать. Я, Вар, Карась и Топир уселись на огромные булыжники, разбросанные по всем окрестностям полей. Тень от деревьев спасала нас от получения нежелательного загара. Однако, взглянув даже мельком, можно было не задумываясь принять нас за бомжей: обросшие волосы и борода, въевшаяся грязь в ногтях, изодранная одежда.

– Приятного аппетита! – деликатно произнес я.

Мигом все трое подняли голову, и я увидел взгляды, говорящие о безумной растерянности.

– Нечего удивляться. Отныне нам необходимо самим прилагать усилия для поддержания задремавшего внутри человека, – с выразительной уверенностью добавил я.

Простые любезности и обиходные привычки за время пребывания стали исчезать и искореняться из нашего мозга. Основной целью Генерала была постепенная потеря нами нашей личности. А точнее, он всячески старался потушить человеческие качества и превратить нас в ходячий, немыслящий и слепо выполняющий приказания, грубо говоря, мусор.

– Скажи это Психологу. Он незамедлительно выпишет тебе новых ощущений!

Я приступил к насыщению своего желудка безвкусным рисовым клубком. Казалось, мы едим не рисовую крупу, а резину, раздробленную на маленькие кусочки. Челюсть работала без остановки, на всей мощности. Вода способствовала некому пищеварительному процессу, продвигаясь на этап проглатывания. Отбросить эту гадость не позволяла слабость, которая усиленно давила на нас результатом тяжелого труда. Смирившиеся с большим удовольствием бросались на пищу, богатую минералами и комками натуральной грязи. Сделав пару глотков, я опустил миску на землю. Голод не мучил меня, но измождение кружило голову.

– Если ты не собираешься доедать, могу ли я забрать твой кусок? – поинтересовался Топир, протягивая руку к моей миске.

Я витал в облаках. Мои мысли были полны надежды увидеть вновь былой мир, смаковать нежнейший сок свежеизжаренного ягненка, вдохнуть аромат приторного вина. Но, открыв глаза, я видел все ту же клетку, где был бессильным и беспомощным. Я словно был крысой в лабиринте, ищущей сыр, которая сама того не подозревала, что скоро пойдет на убой. Единственным облегчением служил оптимистичный настрой Вара и его преданная, бескорыстная дружба. Для меня и этого было вполне достаточно, чтобы сохранить баланс человечности в душе. Это были одни из тех качеств, к которым человек стремится на протяжении всей жизни. Слава, здоровье, успех в личной и профессиональной сфере – это стремления, которыми хочет обладать каждый живущий на земле человек. Каждый стремится к лучшему, но не всегда получает то, о чем так жадно грезил. Порой большинство из нас ставит высшим приоритетом совсем иное, нежели то, что уже имеет и не осознает его цены. Не зря великие люди утверждали: что имеем – не храним, потерявши – плачем! Эта пословица, народная мудрость, идеально соответствовала моему положению и всему тому, чему я в скором времени подвергнусь. Я не был здравомыслящим человеком, который мог чутко различить важные и второстепенные вещи в жизни. Несомненно, ошибки являются тем последним инструментом, который изменяет мышление и переделывает нашу сущность; однако порой расплата за это обучение бывает слишком высока.

Двадцать минут рая закончились так же быстро, как и начались. Невзирая на мизерное количество пищи, поступившее в желудок, организм включил режим сонливости, обычно возникающий после сытной еды. Фиеста была бы тем краеугольным камнем, укрепившим организм для последующей работы, но вопреки сладостным желанием мы дружно последовали на новое поле, под надзором солдат. Не торопясь, я принялся за грядку, но уповать на легкую работу мне не удосужилось. Словно разразившаяся молния, пробежала дрожь по спине. Я испустил громкий вопль и рукой ухватился за куст, едва удержав равновесие. Передвигаться стало мучительно. Я упал на колени, чтобы не быть замеченным, и начал имитировать роль трудящегося. Все силы для сбора хлопкового сырца иссякли, и мне оставалось лишь надеяться на благосклонность судьбы.

Заметив странность в моем поведении, Вар незамедлительно обратился полусшепотом:

– Фэйт... Фэйт, что с тобой?

– Вар, я не в силах больше продолжать! Я даже не способен таскать эту грудку на себе. Не думаю, что сумею выполнить дневную норму. Да и черт с ней! Мне уже осточертело сражаться вопреки организму!

– Ты не теряй еще веры. Времени предостаточно. Главное, имитируй работу, шаг за шагом, не торопясь, продвигайся вперед. – Вытащив небольшую палку, зарытую под землей, Вар передал ее мне. – Держи! Делай упор на бок. Перенеси вес тела на ту сторону, которая будет тебе удобна, и передвигайся!

– Спасибо! – пролепетал я и, упершись палкой о землю, выполнил все, как приказал Вар.

Час проходил за часом, пока издали не послышался колокол, напоминающий об окончании рабочего дня. Тяжелая часть была уже позади, но оставалась немаловажная – взвешивание. Не составляло упорного труда взглядом оценить приблизительное количество собранного

мною урожая. По грубым расчетам, масса составляла порядка 80—90 килограмм. Это не была целая часть, однако я был поражен и этому результату, будучи обессиленным, не говоря уже о ранах на спине.

– Ну что там? – неудержимо испытывая крайнее любопытство, обратился ко мне Вар, почесывая за ухом.

– Как я и думал! Немало, но и не недостаточно. Как и говорил, терять мне нечего. Я сделал все, что мог, и даже больше!

Издали проносились голоса солдат, подзывающих свирепыми воплями одного за другим взвесить собранное добро.

– 698... 748... 389... 124... – отмечал уже знакомый нам рыжий олух, делая заметки в списке.

Постепенно очередь в списке приближалась и ко мне.

– 517... – не успел прокричать рыжий, как невзначай Вар перебросил свой мешок на мою грядку.

– Ты что творишь? – полный замешательства, обратился я к нему, смотря на него исподлобья.

Он помахал рукой и подал знак направляться к весам, не думая об остальном. Было уже поздно что-либо менять.

Рыжий, полоумный идиот, беснуясь, принялся выкрикивать мой номер, топча левой ногой землю, вслед развязно добавляя:

– 517-й, если ты немедленно не подойдешь, я тебя живьем закопаю на том самом месте, куда ты прилип, и вдобавок красиво украшу твоё надгробие собранным хлопком.

Взвалив на плечи оба мешка, я последовал напрямиком в сторону весов, которые были расположены по левую сторону поля. Передвижения мои были неуклюжи, колени дрожали, и мне казалось, что я вот-вот упаду, сделав следующий шаг.

– Да быстрее же. Быстрее! – кричала рыжая лисица, все больше начиная гневаться.

В конце концов я добрался до весов и, сбросив оба мешка с плеч, облегченно вздохнул.

– 203 килограмма... Неплохо, смертник, неплохо! – провопил рыжий, ехидно улыбаясь мне в лицо.

Мне так захотелось ударить палкой по его физиономии, что я вообразил эту сцену наяву.

– Проходи, – проговорил Николь, заметивший мой сверлящий взгляд

Не успел я встать в строй, как послышалось:

– 518...

Сердце мое замерло. Дыхание остановилось. Мозг начал продумывать всевозможные эпизоды исхода предстоящих событий. Несомненно, Вару не доставало пары десятков, даже не беря в расчет тот факт, что он был искусным собирателем.

На весах появилась роковая цифра 139.

Рыжий, охотный любитель наблюдать за очередными наказаниями, словно психопат, искривил лицо и детским голоском вымолвил:

– Тебе не повезло, малыш!

Вар направился в сторону провинившихся, которые стояли напротив группы выполнивших норму. Я встретился взглядом с Варом, а моя мимика транслировала вопрос: «Зачем?»

Вар был абсолютно спокоен, как выжидающий охотник, терпеливо подстерегающий вожака добычу, а его внешний уверенный вид твердил мне: «Не волнуйся!»

Не успели мы добраться до крепости, как были разделены на две категории. Мы стояли лицом к лицу. Прожектора освещали весь двор, и он выглядел словно сцена, на которой ожидается долгожданный спектакль. Дверь распахнулась настежь, нарушив ночную тишину. Вниманию каждого обратилось в сторону хижины, из которой мелкими шагами выходил Генерал. Вычищенный мундир и белоснежная, освещающая путь улыбка сопровождали его в триум-

фальном настроении. Размахивая дубинкой, Генерал занял центр двора, после чего расставив широко ноги, принялся изучать нас взглядом.

– Сержант... – властно прокричал Психолог, – огласить список!

Сержант, то есть наш Рыжик, незамедлительно приступил к оглашению списка сперва выполнивших дневную норму, а затем подверженных наказанию. К удивлению всех, список наказуемых, включая Вара, составил восемь человек, что было вдвое меньше, чем при предыдущем сборе.

Помотав головой и тщательно прочистив горло, Генерал заговорил очень любезно, как провинившийся человек:

– В чем дело, господа? Результаты, как вы заметили, печальны. Я не думаю, что кто-то лучше или сильнее вас в строю. Однако они удосужились сделать благое дело и наполнить свои мешки. Ну а вы? – голос приглушался с каждым последующим словом.

Мертвая тишина окутала всех, слышно было, как где-то вдалеке за воротами стонали дикие собаки.

В упор глядя на каждого провинившегося, Психолог продолжил без доли сердитости или гнева в голосе:

– Вы все прекрасно знаете, что служит наказанием за нарушение установленных вашим почтенным слугой правил. Безалаберное отношение к труду должно караться. Надеюсь, вам ясны надлежащие в строю правила и вы беспрекословно, не создавая проблем, повинуетесь и понесете должное наказание.

Манера общения Генерала была как у человека, услужливо выполняющего свои обязанности, который с пониманием относился к подчиненным. Казалось, что порой психолог спрашивает разрешения на проведение определенных мероприятий. Но временами он готов был сбросить пелену лукавosti.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.